

Гарри слышал крики Сэма: «Остановитесь! Остановитесь! Пожалуйста, остановитесь!» - но все, что он мог сделать, - это зарыдать в свои руки. Почему? Почему? Почему это всегда происходило с ним?

Мгновение спустя все стихло. Ветер утих, и снег медленно падал на землю, странно безмятежный.

Сэм ничего не сказал. Не сказал и Гарри. И когда светловолосый мальчик поднялся на ноги и побежал, Гарри понял, что они больше никогда не заговорят.

«Так ты наконец-то его спугнул, да, уродец?»

«Оставь меня в покое, Дадли».

Позади себя он услышал жестокое хмыканье.

«Ты слышал это? Этот урод хочет, чтобы мы оставили его в покое».

«Бедный маленький Гарри Поттер - разве ты не собираешься бежать?»

«Тебе следует быть осторожнее в разговорах с нами, урод. Стюарт здесь больше не для того, чтобы защищать тебя».

«Прекрати... пожалуйста».

«Пожалуйста, - беззлобно передразнил Дадли, - не указывай нам, что делать, урод!»

Гарри слишком устал, чтобы убегать. Он был слишком покорным, чтобы сопротивляться. Ему было слишком больно, чтобы переживать, когда в него полетят удары.

И снова это.

Он не издавал ни звука, не двигался, пока кулаки били его по лицу и ребрам, снова и снова, и каждый удар вырывал из легких хриплый вздох. Он не знал, когда оказался на земле, когда удары превратились в пинки. Было больно. Очень больно. Но он был бессилен остановить их, как и всегда. Он ничего не мог сделать - да и не хотел. Он хотел, чтобы это просто закончилось. Он хотел, чтобы на следующее утро ему не пришлось просыпаться без друзей и в синяках. Это того не стоило, и он почувствовал, как его захлестнула волна тошноты от ностальгического осознания. Лучше не стало, ничего не стало лучше. Он закашлялся, когда очередной удар пришелся по его плечу. Если так будет продолжаться достаточно долго, они убьют его? Узнают ли они, когда нужно остановиться? Может, и нет. А может, так и лучше, подумал он, даже когда его охватил сильный страх. Возможно, Гарри Поттер наконец-то

встретит свой конец - возможно, он никогда не принадлежал себе, возможно, ему не суждено было остаться в живых, и это просто судьба. Эта мысль пугала и успокаивала одновременно, и если быть до конца честным с самим собой, то в этот момент ему казалось, что умереть не так уж и плохо.

Может, я заслуживаю смерти? Может быть, мне не следовало родиться?

Но как только эта мысль пришла ему в голову, что-то изменилось. Что-то пошло очень, очень не так.

Пэйн взвыл от боли, и, когда его тело сжалось, он не смог сдержать ужасающий крик, вырвавшийся из его горла. Он не мог думать, не мог двигаться; он тонул, его разум был далеко от него, а крики рвались из его горла, и кровь капала со лба на заснеженную землю.

Потом все внезапно прекратилось. Все остановилось. Боль в голове, крики, удары - все прекратилось.

И тут Гарри испытал то, чего никогда раньше не испытывал. Пока Дадли и его друзья в шоке смотрели на него, несомненно, обеспокоенные его криками, он почувствовал, что его тело движется само по себе, мышцы напряглись, и он медленно поднялся на ноги, несмотря на боль, исходящую из каждого сустава, каждой мышцы и каждого сухожилия в его теле. Он чувствовал боль и холод, но ощущения были не его, он был далеко от собственной кожи. Он был не более чем марионеткой. Истерзанная, истекающая кровью марионетка.

Он не был готов к тому, что произошло дальше: он рассмеялся. Кукловод, очевидно, не обратил внимания на боль, ничуть не смутившись, он разразился хохотом, и все его тело затряслось от смеха. Но это был не счастливый смех, не весёлый - это был не смех Гарри. Это был холодный, высокий, издевательский звук, до краёв наполненный злобным ликованием. Затем он прекратился, и все снова замолчали.

«Вы мерзкие, грязные маленькие маглы».

Голос был его - он слышал его уже много раз - и всё же он не был его. В этом голосе, который был лишь подобием детского сопрано Гарри, было что-то жёсткое и ледяное, застывшее и фригидное самым неприятным образом.

«Ты смеешь причинять вред этому ребёнку, ребёнку, в чьих жилах течёт самая сильная магия? Вы - не более чем насекомые - смеете даже прикасаться к этому ребенку, чья кровь священна, чистейший эликсир по сравнению с отвратительным илом, дающим жизнь вашим жалким формам?»

Он почувствовал, как его тело выпрямилось, а осанка стала гордой и высокой. «Ты совершил преступление против природы, и за это преступление ты должен быть наказан».

Внутри Гарри что-то сдвинулось, и в глубине его груди зашевелилось что-то уродливое, злобное чувство, которого он никогда раньше не испытывал. Внутри него вспыхнуло жестокое ликование, и Гарри лишь потрясённо смотрел, как Дадли и трое его друзей корчатся на земле, с их губ срываются беззвучные крики, а он впитывал в себя силу, пульсирующую в воздухе вокруг него и колющую его кожу, как статическое электричество. Он чувствовал удовольствие. И ненавидел его.

Гарри не знал, сколько времени он наблюдал за мучениями своих мучителей, но через несколько часов всё прекратилось, и улица вместе с его разумом снова погрузилась в тишину.

Гарри был напуган - он был в ужасе. Ему никогда не было так страшно. Он был уверен, что если бы контролировал свое тело, то лежал бы на земле, рыдая и пытаясь отдышаться. Что с ним происходит?

Пэйн снова почувствовал боль, когда его тело по собственной воле пришло в движение, перешагнув через лежащего и дрожащего Дадли Дурсля, и опустился перед ним на колени.

Последнее, что услышал Гарри, было слово «Забвение».

Когда Гарри проснулся, было темно. Темно и тихо.

Сначала он не понял, где находится, но потом заметил знакомое царапанье ткани под собой и затхлый запах, к которому уже давно привык. Он был в своем шкафу. Что случилось? Как он там оказался? Последнее, что он помнил, было...

<http://tl.rulate.ru/book/126714/5321561>